

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(574)«1941/1955»:325.254.2(=112.2)

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

О.А. Лиценбергер, А.С. Мусагалиева

«Навечно, без права возврата их к прежним местам жительства...»: повседневная жизнь российских немцев-спецпоселенцев в 1941–1955 гг. (на примере колхоза Кызыл-Когам Казахской ССР)

В статье на основании архивных материалов Казахстана, а также источников личного происхождения, рассматриваются аспекты повседневной жизни немцев-спецпоселенцев после депортации в 1941 г. до снятия режима спецпоселения в 1955 г. на примере одного из колхозов Северо-Казахстанской области. В работе изучаются особенности регламентации повседневности российских немцев, подвергшихся принудительному выселению из Поволжья, и аспекты ограничения их прав как «спецконтингента». Особое внимание уделено условиям расселения и проживания спецпоселенцев, проблеме их обеспечения продовольствием, мобилизации в трудовую армию, а также повседневной трудовой деятельности в колхозе после возвращения из трудовой армии. В качестве источников повседневности авторами изучен большой массив материалов Государственного архива Акмолинской области и Государственного архива г. Кокчетав, в том числе документы администрации на местах спецпоселения: от решений и постановлений комитетов ВКП (б) до протоколов колхозных собраний и ведомостей о начислении трудовых, а также отчетов исполнительных комитетов, фактически выполнявших указания партийных органов, принимавших изначальные решения о хозяйственном и трудовом устройстве переселенцев.

Ключевые слова: Российские немцы, спецпоселение, депортация, трудовая армия, повседневная жизнь.

O.A. Licenberger, A.S. Musagaliyeva

"Forever, without the right to return them to their former places of residence ...": the daily life of Russian Germans-settlers in 1941–1955 (on the example of the collective farm Kyzyl-Kogam of the Kazakh SSR)

The article, based on the archival materials of Kazakhstan and sources of personal origin, analyzes the aspects of everyday life of Germans – special settlers after deportation in 1941 until the removal of a special settlement mode in 1955 on the example of one of collective farms of the North Kazakhstan area. The work

studies the peculiarities of regulation of everyday life of Russian Germans, who were forcibly evicted from the Volga region, and aspects of restricting their rights as "special-contingent". Special attention is paid to the conditions of resettlement and residence of special settlers, the problem of their food supply, their mobilization to the labor market, as well as their daily work in the collective farm after their return from the labor market. As sources of daily life, the authors have studied a large array of materials from the State Archive of Akmola region and the State Archive of Kokchetav, including documents of the administration at the special settlement sites: from decisions and resolutions of the committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks to the protocols of the collective farm meetings and reports on the calculation of days of labor, as well as reports of the executive committees, which actually followed the instructions of the party bodies that made the original decisions on the economic and labor arrangement of settlers.

Key words: Russian Germans, special settlement, deportation, forced labor, daily life.

Изучение «малых жизненных миров» рядовых граждан приобретает все большую актуальность и расширяет предметное поле исторических исследований. История повседневности дает исследователю возможность максимально приблизиться к индивидууму или группе, которую он изучает. В качестве такой группы исследования нами были выбраны немецкие спецпереселенцы, депортированные в Казахстан в 1941 г. и размещенные в дома местных казахских жителей одного из тысяч колхозов Кокчетавского района Северо-Казахстанской области.

На примере колхоза Кызыл-Когам Казотинского сельсовета Кокчетавского района авторами статьи изучается спецпоселение как часть политической истории бывшего СССР, которое предопределило судьбы миллионов граждан советской страны, в том числе депортированных российских немцев. К началу 1942 г. на спецпоселении находилось 1 031 300 немцев, половина из которых была размещена в Казахстане, остальные в Сибири [1, с. 58]. Проживавшие до депортации 1941 г. в АССР немцев Поволжья спецпоселенцы оказались рассеяны по обширным просторам Казахстана.

Из общего количества 125 тыс. немцев, депортированных в Казахстан, в рассматриваемой нами Северо-Казахстанской области было размещено 25 тыс. чел. [2, л. 1–2]. Сразу после прибытия «спецконтингента» в лице российских немцев перед местными органами со всей остротой встали вопросы хозяйственного устройства спецпоселенцев, создания повседневной жилищной, бытовой, социальной инфраструктуры. Реализация этой задачи натолкнулась на целый ряд серьезных проблем: от отсутствия необходимых ресурсов до конфликтов с местным населением, в дома которых были принудительно подселены спецпоселенцы и в общественном созна-

нии которых силами властей формировался образ «врагов-фашистов».

В колхоз Кызыл-Когам было поселено 34 немецкие семьи (всего 140 чел., из них 34 мужчины, 38 женщин и 68 детей). К январю 1942 г. только шесть многодетных семей были расселены в отдельные дома, остальные 28 семей были размещены «в уплотнение» к местным колхозникам-казахам. Постройка домов для спецпереселенцев не была организована в течение длительного времени. За неимением стройматериалов в 1941–1942 гг. сельсовет планировал построить в колхозе для 28 семей всего четыре новых дома [3, л. 73]. Согласно архивным данным, некоторые колхозники проживали в домах абсолютно не пригодных для жилья, где не имелось окон и были сломаны двери [4]. Видя в спецпереселенцах временно поселенных и враждебных существующему строю, колхозное руководство, не имевшее ни финансов, ни необходимых ресурсов, категорически не желало вкладывать средства в их благоустройство.

Следующей острой проблемой после размещения депортированных с первых же дней прибытия стало их обеспечение продовольствием [5]. Согласно дошедшим до нас устным источникам, спецпереселенцы были вынуждены менять минимум привезенных с собой вещей на необходимые продукты или наниматься на работу к местным жителям. Намного позже работающим стали выдавать по 200–400 г хлеба в день. В первые месяцы после депортации немцы практически оказались брошенными на произвол судьбы, и если большая часть их выжила, то в первую очередь, благодаря собственному труду или помощи местных жителей [6]. Органы власти на местах в силу хаотичности и неорганизованности процесса расселения ничего не могли сделать для обеспечения голодающих людей продовольствием.

Архивные документы, на первый взгляд, свидетельствуют о принятии государством необходимых мер для устройства быта спецпереселенцев. Но действительность была совершенно иной. Так, 1 октября 1941 г. заместитель уполномоченного Управления по эвакуации при СНК КазССР М. Яковлев получил письмо от врио управляющего Казконторой Сельхозбанка Кабицкого о возможности кредитования немцев по указанию Сельхозбанка СССР. Согласно сообщению, за принятое в Поволжье от колхозника имущество (дом, надворные постройки, скот) ему должен был выдаваться акт с указанием общей стоимости имущества по оценке, произведенной специальной комиссией. Указанная в акте сумма подлежала возмещению путем предоставления в Казахстане жилья или строительных материалов, с выплатой Сельхозбанком разницы в стоимости между сданным и полученным имуществом. Семьям спецпоселенцев, которые не получили в Казахстане собственные до-

ма, должен был выдаваться кредит на постройку домов или ремонт домов, по линии Сельхозбанка в размере до 2 тыс. р., сроком на 5 лет, под 3 % годовых с погашением полученного кредита начиная со второго года после его получения [7].

В 1942 г. во всех колхозах Кокчетавского района был составлен список немцев-спецпоселенцев с указанием стоимости их имущества, оставленного в Поволжье. Немцы надеялись и верили, что государство примет меры для возвращения стоимости их хозяйств [2]. Однако анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что у многих колхозников отсутствовала необходимая информация о стоимости недвижимости или имущества. Очевидно, часть квитанций были утрачены в дороге или не выдавались изначально.

Несмотря на составленные списки, действительность очень скоро развеяла иллюзии о «благих намерениях» государства. Местные органы власти сами не имели необходимых ресурсов для возмещения стоимости имущества. Решения на местах не выполнялись полностью или просто игнорировались местными властями. Так, в письме Инспектору по хозяйственному устройству эвакуанаселения по Кокчетавскому району от начальника отдела хозяйственного устройства эвакуанаселения указывалось: «Выдача скота переселенцам-немцам, согласно указанию Наркомата мясомолочной промышленности СССР от 23 сентября 1941 г. производится органами "Заготскот" только при условии предъявления именных квитанций о сдаче скота в Заготскот в местах выхода переселенцев. Документы других организаций о сдаче скота, например, квитанции совхозов, акты колхозов, списки сельсоветов и т. д., подтверждающие сдачу скота, не могут служить основанием к возврату скота. Согласно распоряжения Совнаркома КазССР от 6 января 1942 г. выдачу скота немцам-переселенцам по обменным квитанциям впредь до особого распоряжения разрешено производить не свыше одной головы крупного рогатого и двух-трех мелкого на одно хозяйство» [3, л. 295].

С учетом данного постановления большинству немцев не могла быть возмещена стоимость сданного в Поволжье скота. Так, например, по состоянию на апрель 1942 г. ни одна немецкая семья в колхозе не имела корову или теленка. Сопоставление данных депортированных приводит к выводу о том, что многие немцы не имели необходимых именных квитанций. Очевидно, многие депортированные не смогли оформить документы в органах Заготскота надлежащим образом, получив вместо этого акты в колхозах, что не допускалось согласно официальным инструкциям. В отличие от современного периода нормативные акты органов советской администрации не требовали обязательной публикации и не были известны не только гражданам, но и большинству государственных служащих [8].

На протяжении всего периода спецпоселения не менее остро, чем размещение и обеспечение продовольствием стояла проблема трудоустройства спецпоселенцев. В 1942 г. значительная часть немцев-спецпереселенцев была подвергнута «трудовой мобилизации», ставшей попыткой властей решить вопрос трудоустройства депортированных немцев. Формирование из немцев-спецпоселенцев так называемой «трудовой армии» и направление их в места весьма удаленные от их семей на спецпоселении регулировалось Постановлением ГКО СССР № 1123сс от 10 января 1942 г., которое обязывало НКО мобилизовать для работы на лесозаготовках, промышленном и железнодорожном строительстве 120 тыс. немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, в том числе из числа выселенных в Казахскую ССР. Постановлением ГКО № 2383сс от 7 октября 1942 г. мобилизация была распространена на немцев в возрасте от 15 до 16 и от 51 до 55 лет.

В октябре 1942 г. всем председателям сел и аулсоветов и председателям колхозов Кокчетавского района было направлено письмо следующего содержания: «Произвести полный расчет за выполненные трудовые дни в колхозе, всем призванным и подлежащим отправке немцам... При отправке их на работу обеспечить из средств колхоза хлебом из расчета 800 гр. в день и другими продуктами на 10 дней, за наличный расчет. У тех немцев, из числа призванных и подлежащих отправке на работы, у которых остаются без родных дети и они не имеют кому из числа своих родственников или знакомых передать детей на содержание и присмотр, принять детей на полное содержание колхоза» [9]. Постановление ГКО мобилизовывало всех женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет (кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет). Дети, оставшиеся без родителей, должны были передаваться на попечение колхозам. Однако колхозы, оставшиеся в военное время без мужчин и находившиеся под тяжестью непосильных норм сдачи продовольствия, не имели ни ресурсов, ни возможностей опекать детей спецпоселенцев, которые со временем превращались в беспризорников или отправлялись в детские дома. На начало 1946 г. в восьми детских домах Кокчетавской области находилось 1 203 ребенка, у большинства из которых в графе «сведения о родителях» было указано «в трудармии» [10].

Проведение в 1942 г. мобилизации трудоспособного немецкого населения привело к тому, что в колхозе остались лишь старики, инвалиды, женщины, имевшие детей в возрасте до 3-х лет и дети до 16-летнего возраста. Они оказались в тяжелейшем материальном положении, не имели ни своего жилья, на работы, ни помощи от государства. По состоянию на 1 апреля 1942 г. количество трудоспособных немцев, проживавших в колхозе Кызыл-Когам снизилось по сравнению с 1 января 1942 г. почти в два раза: с 53 до 29 чел. [2, л. 7].

К началу 1944 г. в «рабочих колоннах» НКВД числились около 222 000 немцев-«тудармейцев», из них 101 000 «использовались» на стройках и в других подразделениях НКВД, а остальные – на предприятиях и организациях других наркоматов [11]. До конца 1945 – середины 1946 гг. «трудмобилизованные» находились в «специальных зонах», которые являлись структурными подразделениями ГУЛАГа НКВД. Нечеловеческие условия работы и быта приводили к побегам из тудармии и возвращениям к семьям в места спецпоселений. 27 ноября 1942 г. Председатель исполкома Кокчетавского облсовета В. Грузинцев направил письмо всем председателям исполкомов райсоветов: «За последнее время участились случаи самовольного возвращения мобилизованных граждан на работу в промышленность обратно в колхозы и села. Мер как с Вашей стороны, так и сельсоветов к быстрейшему возвращению обратно на работу, а также привлечению к уголовной ответственности, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР не принимается, тем самым Вы дезорганизуете работу предприятий, срываете выполнение заказов для фронта, ослабляете дисциплину среди мобилизованных рабочих. Предлагаю следующее: проверить в районе всех возвратившихся и направить обратно к месту работы, злостных предать суду как за самовольный уход. Обязать председателей сельаулсоветов самовольно возвратившихся мобилизованных граждан немедленно возвращать обратно и усилить контроль сельсовету за этими гражданами, не допуская их пребывания дома» [12]. Однако многие спецпереселенцы являлись квалифицированными слесарями, токарями, машинистами, их знания и умения были крайне необходимы колхозам. 1 августа 1944 г. Председателю Кокчетавского райсовета Черноокову поступила телеграмма от секретаря облисполкома Акашева: «Предлагаем... выявленных дезертиров передавать органам прокуратуры для привлечения к ответственности. Запретить прием на работу учреждениям и предприятиям, председателям колхозов привлекая к строгой ответственности виновных» [13].

Случаи побегов тудармейцев и возвращения их в села Кокчетавского района упоминаются в рассказах современников, по словам которых из-за нехватки рабочих рук в колхозах их председатели намеренно шли на укрывательство беглых трудоспособных мужчин или оказывали помощь по их скорейшей мобилизации. Так произошло и в с. Кызыл-Когам, когда будущий бригадир колхоза Филипп Лиценбергер, единственный в селе кузнец и столяр, смог остаться с семьей в сентябре 1943 г. и не был возвращен обратно в ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой благодаря личной помощи председателя колхоза – казаха по национальности. Дети бежавшего из тудармии упоминали, что он купил свою свободу за обещание председателю стать бригадиром колхоза и полностью перенять на себя работу в колхозной кузнице [14].

Однако единичные случаи возвращения трудармейцев к своим семьям не могли исправить сложную ситуацию в спецпоселениях. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» от 8 января 1945 г. предписывало: «Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом. В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях». По состоянию на 1 апреля 1945 г. на территории Казахской ССР находилось 846 065 чел. немцев-спецпоселенцев [1].

В марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание наркоматам, где функционировали трудармейские подразделения, расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, что, по сути, означало конец «Трудовой армии». После расформирования трудармии в 1947 г., выжившим немцам разрешалось вернуться в места депортации, где находились их семьи. Все бывшие трудармейцы получали статус спецпоселенцев. Однако, финансирование неотложных нужд немцев-спецпоселенцев по-прежнему не осуществлялось, фактически и после возвращения из трудармии они были брошены на произвол судьбы [15]. По оценкам современных исследователей, власти Казахстана не предпринимали никаких специальных мер по отношению к немцам, находившимся на спецпоселении [16].

Положение спецпоселенцев и их семей усугублялось их тяжелым экономическим состоянием. Так, например, еще 29 апреля 1945 г. начальник УНКВД по Кокчетавской области С. Ситдыков отправил спецсообщение Председателю Кокчетавского облисполкома Е. Ергебекову о сложном материальном положении спецпереселенцев, расселенных на территории Кокчетавского района. Согласно спецсообщению, спецпереселенцы немцы использовали для употребления в пищу трупы павших лошадей. Начальник УНКВД указывал, что правления этих колхозов не уделяют должного внимания спецпереселенцам, не оказывают им никакой помощи: «в шести колхозах насчитывается 56 человек сильно истощенных и больных дистрофией, раздетых спецпереселенцев, которым требуется немедленная помощь» [17].

Ситуация не менялась и после возвращения трудармейцев к своим семьям. 6 февраля 1947 г. тот же Ситдыков направил Председателю Кокчетавского областного исполнительного комитета очередное спецсообщение о фактах продзатруднений среди немцев-спецпоселенцев. «В дополнение к ранее направленным спецзапискам сообщаю, что в колхозах, где ощущаются острые продовольственные затруднения, выявлены опухшие от голода

спецпереселенцы. В Арык-Балыкском, Кокчетавском и Рузаевском районах имеются случаи опухания. Еще раз прошу Вашего распоряжения о немедленном восстановлении двадцати тонн зерна, использованного не по назначению из фонда, отпущенного государством для остро нуждающихся спецпереселенцев, что предоставит возможность разрешить создавшееся затруднение» [18, л. 17]. Следующее спецсообщение «О фактах заболеваний дистрофией и смертности на почве продовольственного затруднения среди спецпереселенцев, расселенных на территории Кокчетавского района» было подготовлено 25 февраля того же года заместителем председателя Кокчетавского облисполкома Алиевым, который писал председателю райсовета: «Как видно из поступающих сигналов, продовольственные затруднения среди части населения, особенно среди спецпереселенцев к настоящему времени серьезно обострились» [18, л. 19]. Данные документы с грифом «для внутреннего пользования» подтверждают тот факт, что одной из первоочередных являлась проблема продовольственного обеспечения спецпереселенцев продуктами питания, а местные органы власти вопросами обеспечения спецпоселенцев продовольствием практически не занимались.

Так, 17 декабря 1949 г. начальник УМВД по Кокчетавской области Битеряков в спецзаписке на имя секретаря Кокчетавского обкома КП (б)К Урашеву указывал: «Проверкой состояния материального и продовольственного положения выселенцев-спецпоселенцев, а также местного населения расселенных на территории Красноармейского и Кокчетавского районов установлено, что в последнее время создалось критическое положение с продовольственным обеспечением. На территории Кокчетавского района на сегодняшний день насчитывается 157 семей или 735 чел., буквально не имеющих продуктов питания, а также средств для приобретения таковых. В основном остро нуждающиеся проживают в следующих колхозах Кокчетавского района: Кызыл-Когам, Новая жизнь, им. Буденного, Карла-Куль и др. Колхозы, указанных районов, не имеют в наличии продуктов питания для оказания продовольственной помощи и средств для приобретения продуктов. В силу указанных обстоятельств, среди населения вышеперечисленных районов, усилились высказывания отрицательных настроений, при этом отдельные спецпоселенцы заявляют: «чтобы не умереть и спасти себя от голода надо искать выход, хотя бы в местах заключения, где нас будут кормить» [19]. УМВД по Кокчетавской области просил Обком принять срочные меры по оказанию продовольственной помощи остро нуждающимся, выделив продовольственные или денежные ссуды.

Тяжелые условия жизни привели к тому, что уровень смертности немцев в эти годы почти в два раза превышал уровень рождае-

мости. Согласно опубликованным данным, только в Казахстане с апреля 1944 г. по июль 1949 г. умерло около 8 % от всех проживавших там немцев (19,5 тыс. чел.): с 1 января 1942 г. по 1 октября 1948 г. родилось 25,8 тыс., а умерло 45,3 тыс. немцев. Основной причиной высокого уровня смертности стали тяжёлые материальные и жилищные условия, голод, а также эпидемия тифа в 1944 г. Данные цифры коррелируются с данными по колхозу Кызыл-Когам, где к 1949 г. из 53 прибывших сюда трудоспособных немцев в живых осталось только 23 чел. Несколько мужчин колхоза погибли в трудармии.

Протоколы собрания колхоза Кызыл-Когам также свидетельствует о целом ряде продовольственных трудностей, с которыми пришлось столкнуться колхозу. Так, в 1948 г. от 7 колхозных куриц не было получено ни одного яйца; молоко, положенные каждому колхознику, не додали, значительная часть скота погибла зимой от отсутствия корма, план по сенокосению не был выполнен из-за нехватки сенокосильных машин и сельхозтехники, возмущение колхозников, согласно протоколу собрания вызвал тот факт, что сноха заведующего фермы продала колхозное масло на базаре в г. Кокчетаве, не выдав его колхозникам [20, л. 61].

Анализ протоколов общих собраний колхоза (написанных на казахском языке) позволяет сделать вывод, что немцы-спецпереселенцы регулярно принимали участие в колхозных собраниях, однако, они не входили в правление колхоза, не участвовали в прениях, не проявляли высокой активности и практически не выступали с предложениями. Согласно протоколам собраний, немцы крайне редко публично высказывали свое недовольство. Например, на одном из колхозных собраний вопрос о том, что в полевых работах участвуют только женщины-немки, а казахские женщины не работают вообще, поднял колхозник-казах, а не немец [20, л. 60]. Основной причиной низкой активности спецпоселенцев являлся не только их специальный статус, но и тот факт, что все собрания проводились на казахском языке и вся документация велась также на казахском. Лишь в 1949 г. колхозам области было рекомендовано перевести делопроизводство на русский язык, что, однако, сразу не произошло.

Как и по всей стране, заработная плата членам колхоза Кызыл-Когам не начислялась. Вплоть до 1966 г. формой учёта количества и качества труда советских колхозников являлся трудодень. После выполнения обязательств перед государством доход каждого колхозника поступал в распоряжение всего коллективного хозяйства, после чего отдельный колхозник получал долю общего дохода соответственно выработанным им трудодням. Приведенные далее данные являются результатом обработки архивных данных

ежемесячных и годовых отчетов колхоза Кызыл-Когам. Несомненно, в отчетах колхозов допускались неточности и искажения отдельных показателей, в связи с чем, данные годовых отчетов не могут рассматриваться как абсолютно точные. Однако они дают представление о трудовом участии колхозников в общественном производстве и распределении доходов. В 1946 г. доходы членов колхоза Кызыл-Когам за трудодень составляли 380 граммов пшеницы. В то время колхоз Кызыл-Когам относился к числу тех тысяч коллективных хозяйств в СССР, которые не распределяли по трудодням ни денежные средства, ни картофель, ни иную продукцию. В 1948 г. ситуация изменилась и кроме пшеницы колхозники получили оплату в денежном и ином выражении: 410 г пшеницы, 21 копейку и 4 г шерсти в день [20, л. 61]. Из всех советских областей и республик в этот период распределение выдачи на один трудодень деньгами составляло от 7 к. в европейской части России до 10 р. в Туркменской и Таджикской ССР, где выращивались ценные технические культуры – хлопчатник, чай, виноград. Казахская ССР не отличалась высокими доходами колхозников, и десятки тысяч колхозов, как и Кызыл-Когам выделяли колхозникам минимум зерна и денег за трудодни, а также производили минимальные отчисления на пополнение недельного фонда колхозов.

Постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» от 19 апреля 1948 г. рекомендовало колхозам распределять доходы по бригадам и по звеньям, так, с тем чтобы увеличить оплату передовых бригад. По итогам 1950 г. в колхозе имелось три бригады, имевших абсолютно разные показатели производительности труда. Так, бригада Ф.Я. Лиценбергера в марте 1950 г. показала наивысшие результаты – 54 трудодня, бригадира К.А. Книса – 46 трудодней, «Степная бригада», в которой работало 14 немцев-колхозников, в основном женщины (Н. и М. Герт, С. Книс, П. и Ф. Лиценбергер, Ф. и С. Окс, С. Пац, И. и П. Шнайдер, Н. Шлегель, Э. и С. Шиопер, Л. Шпатер) – 36 трудодней. Исходя из архивных данных, часть трудоспособных колхозников не вырабатывала установленного минимума трудодней. Проведенный нами опрос современников тех событий, совпадающий с архивными данными, показал, что среди колхозников, показавших наименьшие результаты, преобладали женщины, имевшие малолетних детей. В целом, число трудоспособных колхозников-мужчин, не выработавших установленного минимума трудодней, было в несколько раз меньше, чем женщин. Райком Кокчетавского района в письме председателю колхоза Кызыл-Когам указывал: «На основании указания Облсельхозуправления от 26 января 1950 г. в целях реализации приказа Министерства сельского хозяйства КазССР от 2 ноября 1949 г. и от

29 декабря 1949 г. для налаживания планирования производства, упорядочения организаций, улучшения оплаты труда в колхозах, в целях полного участия в труде трудоспособных колхозников, в колхозном производстве Кокчетавский Райсельхозотдел обязывает Вас лично в 1950 г. открыть в своем колхозе детские учреждения с охватом детей школьного возраста, из них детяслей – 1, с охватом 10 детей, с таким расчетом чтобы все трудоспособные женщины участвовали в производстве и выработали установленный обязательный минимум трудодней» [21].

Простые арифметические расчеты доказывают, что получаемой в денежном выражении выплаты за трудодни не хватало на элементарные продукты питания. Например, совместный доход семьи Филиппа и Елизаветы Лиценбергер, имевшей троих детей, в 1950 г., в денежном выражении составил 672 р. 77 к., что являлось эквивалентом 70 десятков яиц или 75 килограммов сахара в год. Данной суммы годового дохода не хватило бы даже на покупку одного женского пальто (стоимость которого составляла около 700 р.), но хватило бы на четыре пары обуви (средней стоимостью около 150 р. за пару) или на покупку 40 кг говядины в год. Для сравнения доходы колхозников в целом по стране по данным на 1950 г. составляли 268 трудодней. Некоторые исследователи отмечают, что «зарплаток спецпоселенцев в трудоднях был в три раза ниже коренного населения» [6].

Согласно дошедшим до нас устным источникам, спецпереселенцы могли получать меньше других, однако сравнительный анализ официальных документов не позволяет сделать такого общего вывода по всем спецпоселенцам. Согласно статистическим данным, в среднем по СССР в 1950 г. каждый колхозник получал ежегодно 402 кг зерна и 156,8 кг картофеля, а также 399,32 р. в год [22], что в принципе совпадает с данными по начислению трудодней немцам рассматриваемого колхоза. Однако архивные данные подтверждают тот факт, что в эти годы колхоз Кызыл-Когам входил в число наиболее отстающих колхозов района, а доходы колхоза в денежном выражении ухудшались с каждым годом: 1946 г. – 67 186 р., 1947 г. – 52 698 р., 1948 г. – 32 812 р., 1948 г. – 32 816 р., 1949 г. – 31 832 р. [23]. Колхозы пытались выправить ситуацию и даже выплачивали премии передовым колхозникам из числа немцев наравне с колхозниками-казахами: 6 октября 1947 г. премию получили Филипп Лиценбергер – 3 кг шерсти, Эмма Паленгер и Эмма Кох по 2,5 кг, Сандр Пац и Эльвира Отт – по 2 кг, а также денежные премии – Андрей Керт, Фрида Отт и Сусанна Кинс – по 100 р. Однако в целом, в отличие от коренного населения, которое жило за счет собственного натурального хозяйства и имело приусадебные участки, спецпоселенцы владели жалкое существование. Лишь постановлением ЦК

КПСС и Совета Министров СССР от 18 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» вместо трудодней вводилась гарантированная оплата труда.

Экономическое состояние колхоза и благосостояние колхозников долгие годы оставалось без изменений. Протоколы колхозных собраний свидетельствуют, что в 1949 г. колхоз понес значительные убытки, большую часть скота спасти не удалось из-за нехватки сена, колхозники не выполняли план сдачи молока государству, а для собственных нужд могли использовать лишь обрат – продукт, получаемый в результате отделения сливок из цельного молока в процессе сепарирования.

На одном из общих собраний в марте 1949 г. на повестку дня был поставлен вопрос о хозяйственно-экономическом состоянии колхоза Кызыл-Когам с 1940 по 1949 гг. Отчетный доклад председателя колхоза указал на существенные недостатки в организации колхозной деятельности. Так, ежегодно не выполнялся план по сбору урожая пшеницы, по животноводству и сдаче государству молока, не соблюдались сроки весеннего посева, не производилось снегозадержание; скот погибал из-за нехватки сена и отсутствия приспособленных для содержания скота помещений; в колхозе не было детских ясель, и женщины не имели возможности участвовать в работе колхоза; колхоз не имел самой необходимой сельхозхозяйственной техники и оборудования, а колхозники в малом объеме получали трудодни [20]. По состоянию на 1949 г. колхозники также не смогли выполнить план развития животноводства. В этом году в колхозе вообще не имелось свиней, птицы и кроликов. Вместо запланированных 328 голов крупного рогатого скота в колхозе насчитывалось лишь 277, состояние 107 из которых оценивалось как «ниже среднего» [24]. Только по состоянию на 1 января 1950 г. в колхозе пало 62 головы крупного рогатого скота и 94 овцы.

В 1950 г. колхоз Кызыл-Когам был обязан сдать по государственным заготовительным ценам: молока – 29 382 л, сыра-брынзы – 294 кг, шерсти – 1 959 кг, шкур мелкого рогатого скота – 147 шт., шкур свиней весом не менее четырех кг, каждая – 18 шт. и 202 центнера сена (не считая сельскохозхозяйственных культур, мяса и шкур крупного рогатого скота). Бригада немца-тракториста Андрея Шнайдера, в которой работали два немца и три казаха не имела необходимых запасных частей для ремонта тракторов и необходимой сельскохозхозяйственной техники [25]. Однако не взирая на все сложности, уполномоченный Министерства Заготовок СССР по Кокчетавскому району Носов в случае несоблюдения плана поставок пригрозил судом членам колхоза [26]. Как такой план могли выпол-

нить за год всего 65 трудоспособных мужчин и женщин (48 казахов и 17 немцев, составлявших 43 семьи) остается только догадываться.

26 сентября 1949 г. в правление колхоза Кызыл-Когам поступило заявление от немца Филиппа Яковлевича Лиценбергера: «Прошу правление о том, чтобы перевести корову, которая находится у меня, на мою собственность – одного теленка я отдаю колхозу в этом году, и так как я не в состоянии в этом году дать колхозу двух телят, то я в этом прошу правление колхоза дать мне отсрочку на одного теленка на будущий год. Прошу правление колхоза мою просьбу удовлетворить» [20, л. 19]. Однако данное заявление так и не было удовлетворено, как и сотни других подобных ходатайств: спецпоселенка Анна Герингер обратилась в колхоз с просьбой об оказании помощи двоим из ее семерых детей, которые не посещали школу из-за отсутствия одежды и обуви, а руководство колхоза не оказывало им никакой помощи; семьи Гроссман и Лионер жаловались, что не имели теплой обуви и одежды, жили в не приспособленных для проживания домах, а причитающееся им за трудодни сено председатель колхоза не выдал [4].

31 октября 1951 г. Совет Министров Казахской ССР принял постановление «О фактах нарушения демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели, и формально-бюрократического отношения к жалобам колхозников в некоторых колхозах Казахской ССР». Однако ситуация не менялась годами. И если колхозники-казахи, согласно архивным данным, выходили из состава колхоза и переезжали к родственникам в более зажиточные колхозы, то у немцев такой возможности не было, так как они являлись спецпереселенцами.

Правовое положение спецпоселенцев-немцев формировалось поэтапно и регулировалось специальными секретными нормативно-правовыми актами. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» от 8 января 1945 г. предписывало: «Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой, рассматривается как побег и влечёт за собой ответственность в уголовном порядке» [27]. Немцы колхоза Кызыл-Когам находились на учете в Кусепской спецкомендатуре и не имели права покидать место поселения, даже, например, для поиска работы или выезда в Кокчетав, расстояние до которого не превышало 60 км., что аргументировалось следующим образом: «в целях обеспечения государственной безопасности, охраны общественного порядка и предотвращения побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством».

В условиях специального административно-правового режима спецпоселения немцы находились под надзором особых органов – спецкомендатур, обладавших административной юрисдикцией и подчинявшихся территориальным органам НКВД. Судьба спецпоселенцев, по сути, зависела от произвола спецкоменданта, который был вправе расценить как побег любые самовольные действия спецпоселенцев – выезд к родственникам в другой населенный пункт или сбор грибов и ягод за пределами села. Полная изолированность от внешнего мира сохранялась на протяжении 15 лет. Спецкоменданты, надзиравшие за спецпереселенцами, должны были осуществлять контроль за хозяйственным и трудовым устройством немцев, принимать от них жалобы, выдавать временные разрешения на выезд за пределы зоны действия комендатуры, налагать штрафы, аресты до 5 суток и разыскивать беглых.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», изданному под грифом «Совершенно секретно», самовольный побег с мест спецпоселения влек за собой наказание в виде 20-лет каторжных работ. В Указе указывалось, что немцы, как и все другие народы, отправленные на спецпоселение в годы войны, переселены туда «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства» [27].

Таким образом, немцы-спецпоселенцы были лишены многих общегражданских прав. Их повседневная жизнь постоянно наталкивалась на различного рода абсурдные ограничения и запреты, что в 1953 г. вынужден был признать даже министр внутренних дел СССР С. Круглов: «На местах зачастую ущемляется правовое положение спецпоселенцев: без надобности создаётся излишне жестокий режим, запрещается свободное передвижение по жизненно необходимой для спецпоселенцев территории, устанавливается частая регистрация в спецкомендатуре, создаются препятствия к выездам в командировки, на лечение и учёбу, что влечёт за собой подачу ими большого количества жалоб» » [28].

Все 15 лет существования спецпоселения, с 1941 по 1955 гг. немцы, в прямом смысле борющиеся за выживание, были полностью лишены возможности поддерживать и сохранять свою национальную идентичность, культуру, религию, язык. Дети, вынужденные изучать в школе казахский язык, не имели возможности сохранять язык своих предков. Спецпоселенцы не имели паспортов, не призывались на военную службу, не могли занимать высокие посты и должности в колхозах, государственных органах и учреждениях. 10 марта 1955 г. Совет министров СССР обязал органы внутренних

дел выдать спецпоселенцам паспорта гражданина СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. отменил режим спецпоселения, указав при этом, что «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены» [27].

Изучение повседневной жизни депортированных российских немцев-спецпоселенцев на примере казахского колхоза Кызыл-Когам позволяет сделать вывод о том, что особый административно-правовой режим спецпоселения с ограничением свободы передвижения, бытовая неустроенность, последовавшая за депортацией трудармия, материальные и социальные проблемы, сложная морально-психологическая обстановка оказали негативное влияние на демографические процессы среди немецкого населения, отрицательно отразились на национальном самосознании немецкого народа.

Список литературы

1. Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х гг. / науч. ред. И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2015.
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 1987. Оп. 3. Д. 6.
3. Государственный архив г. Кокчетав (ГАК). Ф. 268. Оп. 1. Д. 176.
4. Государственный архив Акмолинской области (ГАОО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 772.
5. Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: Депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. – Усть-Каменогорск, 1997.
6. Зюзь В.Г. Немцы Восточного Казахстана: история, культура // Вестн. культуры. – 2006. – № 6.
7. ЦГАРК. Ф. 1987. Оп. 3. Д. 7.
8. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении (1941–1955 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
9. ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26.
10. ГАОО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 29а.
11. Полян П.М. Насильственные миграции в бывшем СССР // Миграционная ситуация в странах СНГ. – М., 1999.
12. ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158.
13. ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84.
14. Litzenberger O. Enduring the Soviet Experience: One Family's Story // Return to Berry Meadow and Other Stories of Our People. Richard Scheuerman, Editor. – Lincoln, Nebraska, 1995.
15. Бургарт Л.А. Депортация немцев в Восточно-Казахстанскую область и жизнь на спецпоселении (1941–1956 гг.): источники и состояние проблемы // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: материалы междунар. науч. конф. Анапа, 20–25 сентября, 1995. – М., 1996.
16. Ефремова-Шершукова Н.А. Немцы Казахстана: депортация, спецпоселение, реабилитация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2009.

17. ГААО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 27.
18. ГААО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 95.
19. ГААО. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 490.
20. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 39.
21. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 17.
22. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804.
23. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 30.
24. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 15.
25. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 11.
26. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19.
27. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост.: В. А. Ауман, В. Г. Чеботарёва. – М.: МИГУП, 1993.
28. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плевне И.Р. История немцев России: учеб. пособие. – М.: Изд-во «МСНК-пресс», 2005.

References

1. *Berdinskih V.A., Berdinskih I.V., Verem'ev V.I. Sistema specposelenij v Sovetskom Soyuze 1930–1950-h gg.* [Special settlement system in the Soviet Union 1930-1950] / *Nauch. red. I.L. Zherebcov.* – Syktyvkar, 2015.
2. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan. (ZGARK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F. 1987. Op. 3. D. 6.
3. *Gosudarstvennyj arhiv g. Kokchetav (GAK)* [State archive of Kokchetav]. F. 268. Op. 1. D.176.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti (GAOO)* [State archive of Akmola region]. F. 32. Op. 1. D. 772.
5. *Burgart L.A. Nemcy v Vostochnom Kazahstane v 1941–1956 gg.: Deportaciya i zhizn' v usloviyah rezhima specposeleniya* [Germans in East Kazakhstan in 1941–1956: Deportation and life in conditions of special settlement regime]. – Ust'-Kamenogorsk, 1997.
6. *Zyuz' V.G. Nemcy Vostochnogo Kazahstana: istoriya, kul'tura* [Germans of Eastern Kazakhstan: history, culture] // *Vestnik kul'tury.* – 2006. – № 6.
7. ZGARK. F. 1987. Op. 3. D. 7.
8. *Belkovec L.P. Administrativno-pravovoe polozhenie rossijskih nemcev na specposelenii (1941–1955 gg.)* [The administrative and legal situation of the Russian Germans in the special settlement (1941–1955)]: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Ekaterinburg, 2004.
9. GAOO. F. 13. Op. 1. D. 26.
10. GAOO. F. 714. Op. 2. D. 29a.
11. *Polyan P.M. Nasil'stvennyye migracii v byvshem SSSR* [Forced migrations in the former USSR] // *Migracionnaya situaciya v stranah SNG.* – M., 1999.
12. GAOO. F. 4. Op. 1. D. 158.
13. GAOO. Fund 13. Inventory 1. File. 84. P. 186.
14. Litzenberger O. Enduring the Soviet Experience: One Family's Story // Return to Berry Meadow and Other Stories of Our People. Richard Scheuerman, Editor. – Lincoln, Nebraska, 1995. – P. 101–109.
15. *Burgart L.A. Deportaciya nemcev v Vostochno-Kazahstanskuyu oblast' i zhizn' na specposelenii (1941–1956 gg.): istochniki i sostoyanie problemy* [Deportation of Germans to East Kazakhstan region and life on special settlement (1941–1956): sources and condition of the problem] // *Rossijskie nemcy. Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Anapa, 20–25 sentyabrya, 1995.* – M., 1996.

16. *Efremova-Shershukova N.A. Nemcy Kazahstana: deportaciya, specposelenie, rehabilitaciya* [Germans of Kazakhstan: deportation, special settlement, rehabilitation]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2009.
17. GAOO. F. 730. Op. 1. D. 27.
18. GAOO. F. 730. Op.1. D. 95.
19. GAOO. F. 3260. Op.1. D. 490.
20. GAK. F. 377. Op. 1. D. 39.
21. GAK. F. 377. Op. 1. D. 17.
22. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archives of Economics]. F. 1562. Op. 33. D. 804.
23. GAK. F. 377. Op. 1. D. 30.
24. GAK. F. 377. Op. 1. D. 15.
25. GAK. F. 377. Op. 1. D. 11.
26. GAK. Fund 377. Op. 1. File 19. P. 111.
27. *Istoriya rossijskih nemcev v dokumentah (1763–1992 gg.)* [History of Russian Germans in Documents] / sost.: V.A. Auman, V.G. Chebotaryova. – M.: MIGUP, 1993.
28. *German A.A., Ilarionova T.S., Pleva I.R. Istoriya nemcev Rossii* [History of the Germans of Russia]. *Uчебное пособие*. – M.: Izdatel'stvo «MSNK-press», 2005.